

Ху Ин был срочно доставлен в больницу. После нескольких часов реанимации его состояние удалось стабилизировать — он временно вышел из опасности.

По словам лечащего врача, Ху Ин долгое время употреблял наркотики. Его внезапный обморок был вызван именно этим — наркотики стали причиной сердечного приступа, а стресс во время допроса лишь ускорил его развитие.

Через два дня Ху Ин очнулся в палате интенсивной терапии. Он бормотал что-то бессвязное, его психическое состояние было явно нестабильным.

— В его доме обнаружено большое количество наркотиков, — сказал Сяо Юань, нахмурившись. — Судя по степени зависимости, он, возможно, начал употреблять вскоре после убийства Шэн Чжи. Конечно, при условии, что он действительно говорил правду. На допросе он находился в предельно возбуждённом состоянии — его слова противоречили друг другу, логики в них не было. Ты ведь знаешь, наркотики вызывают галлюцинации и по-разному влияют на мозг. Когда он окончательно придёт в себя, Центр психиатрии проведёт экспертизу. Я почти уверен, результат будет такой: его показания нельзя использовать как доказательство.

— Если Ху Ин говорил правду, — сказал Минг Шу, — тогда Хэ Ян всё это заранее просчитал. Это он подтолкнул его к наркотикам. Более того, не исключено, что он применил к нему какую-то форму психологического внушения.

Сяо Юань на мгновение замолчал, затем медленно проговорил:

— В одном Ху Ин был прав — с этими людьми справиться крайне сложно. Они действуют не только в Донгье, следы их деятельности есть по всей стране. Но игры они проводят за границей, а вернувшись домой, снова становятся «безупречными» предпринимателями.

— И что же нам теперь делать? — спросил Минг Шу. — У нас нет доказательств. Если мы без подготовки начнём расследовать Хэ Яна, это только спугнёт его.

Сяо Юань повернул голову:

— Значит, ты считаешь, что стоит пока отложить это дело?

Минг Шу слегка растерялся, подумал немного и сказал:

— Ху Ин упоминал некоего Шэн Чжи. Говорил, что Хэ Ян будто бы полностью стёр его существование. Но человек, раз он жил, обязательно оставил след. Возможно, мы сможем использовать его как зацепку — расследовать его «исчезновение»?

— Шэн Чжи, безусловно, нужно проверить, — ответил Сяо Юань. — Но и Хэ Яна откладывать не стоит.

Брови Минг Шу приподнялись:

— Но тогда разве это не будет...

— Мы уже спугнули его, — спокойно сказал Сяо Юань. — Ни Ху Ин, ни Хэ Ян, скорее всего, и представить не могли, что окажутся втянутыми в дело Чи Яня. В деле Чи Яня Ху Ин — невиновен. Если бы речь шла об обычном человеке, со временем всё бы затихло. Но Ху Ин — не обычный. Он — звезда на взлёте. Этот ход Чи Яня оказался крайне жестоким: даже если подстава не удалась, карьера Ху Ина уже разрушена. В прошлый раз, когда Хэ Ян просил забрать его, ты отказался. Но для Хэ Яна не составит труда следить за каждым шагом Ху Ина. Даже если мы сами не выйдем на него, он всё равно уже знает: Ху Ин в управлении рассказал то, что может ему повредить, а полиция начала его разрабатывать.

Он сделал паузу и добавил:

— Но при этом он прекрасно понимает, что слова Ху Ина, скорее всего, не станут доказательством. А наши имеющиеся улики — недостаточны. Именно поэтому мы не можем отступить. Понимаешь?

Минг Шу кивнул:

— Понимаю. Мы пойдём к нему не для того, чтобы что-то с ним сделать. Мы должны дать понять, что знаем.

Компания Хэ изначально не была основана в Донгье, однако ещё более двадцати лет назад обзавелась здесь собственным офисным зданием. Сегодня её новая башня, уходящая в облака, стала настоящей достопримечательностью западного района. Каждый штрих архитектурного замысла подчеркивал могущество и влияние клана Хэ — семьи, стоящей за этим гигантом.

Минг Шу был в этот день не в полицейской форме, а в редкий раз надел строгий костюм. Стоя среди бизнес-элиты, он выделялся особой остротой ауры — едва уловимым, но явным ощущением, что перед тобой не просто человек в дорогой одежде.

Тем не менее, почти никто не догадывался, что он — уголовный полицейский.

Хэ Ян удивился его визиту, но удивление длилось лишь мгновение и сразу было погашено привычной невозмутимостью.

Секретарь подала дорогой чай, а Хэ Ян, улыбаясь, велел сообщить, что из-за важного визита предстоящую встречу нужно отложить на два часа.

Минг Шу тихо усмехнулся.

— Капитан Минг прибыл лично. Есть что-то, в чём я могу оказать содействие? — спросил Хэ Ян. Он был одет в чёрную рубашку и строгие брюки, на запястье — элегантные, неброские часы. Вся его фигура излучала сдержанную роскошь.

Но, глядя на него, Минг Шу подумал только об одном: волк в овечьей шкуре.

— В деле, к которому оказался причастен Ху Ин, наконец наметился прогресс. С него сняты все подозрения, — сказал Минг Шу.

Хэ Ян сдержанно улыбнулся:

— Это хорошо. Изначально он и не имел к этому делу никакого отношения. Он — публичная персона, и такие истории могут серьёзно навредить. Благодарю вас, что смогли восстановить его доброе имя. Вы проделали большую работу.

— Но Ху Ин предоставил нам новые сведения, — размеренно продолжил Минг Шу. — О вас и о группе Хэ.

— Хм? — Хэ Ян изобразил уместное недоумение. — Обо мне?

— Ваши отношения с Ху Ином, — сказал Минг Шу, — действительно сводятся к так называемому «содержанию»?

Хэ Ян слегка кашлянул:

— Капитан Минг, позвольте заметить: слово «содержание» звучит крайне вульгарно.

— Невежливые поступки не становятся лучше, если обернуть их в вежливые слова, — Минг Шу откинулся на спинку кресла, в голосе зазвучали нотки нажима. — Господин Хэ, хватит притворяться.

Хэ Ян покачал головой:

— Я вас не понимаю.

Минг Шу внезапно произнёс:

— Шэн Чжи.

Брови Хэ Яна слегка сдвинулись:

— Шэн Чжи?

— Господин Хэ, вы ещё помните этого артиста? — Минг Шу чуть подался вперёд, сцепив пальцы. — В августе позапрошлого года, перед самым началом съёмок «Красная пыль в Цзянху», Ху Ин вместе с ним приезжал в ваше загородное поместье.

— Правда? Это был какой-то приём? — Хэ Ян, казалось, был готов к этому вопросу и ничуть не растерялся. — Капитан Минг, я встречал слишком много артистов, не каждый из них оставляет след в памяти.

— То есть вы не помните Шэн Чжи?

Хэ Ян усмехнулся:

— Простите. Если вы приведёте его сюда — может, я и вспомню.

— Вы же прекрасно знаете, что я не могу привести его, — холодно сказал Минг Шу.

— Хм? Почему?

— Потому что позапрошлым летом его убил Ху Ин, — Минг Шу пристально смотрел в глаза Хэ Яну, и тот выдержал взгляд, не отводя глаз.

Полминуты спустя Минг Шу тихо добавил:

— А вы были зрителем той «игры».

Хэ Ян слегка приоткрыл рот. В его взгляде сверкнула обида, словно его незаслуженно оскорбили, а в глубине глаз проскользнула тонкая тень беспокойства. Спустя несколько секунд он покачал головой:

— Капитан Минг, боюсь, я не понимаю, к чему вы клоните. Вы сказали, что Ху Ин убил человека? Какую ещё игру вы имеете в виду? Даже если это правда — какое отношение это имеет ко мне?

Минг Шу был готов к такому ответу.

Они были похожи на двух шахматистов, прекрасно знающих стиль друг друга — их фигуры двигались по доске, но в этой партии не было ни победителей, ни побеждённых.

— Ху Ин заявил, что вы устроили игру, — сказал Минг Шу. — В ней участвовали он и Шэн Чжи. Сначала вы пообещали оплатить дорогостоящее лечение Ху Яо, заставив его согласиться участвовать. А потом дали обещание: если он выиграет, получит все нужные ресурсы и станет знаменитым за одну ночь. Условие победы было только одно — убить Шэн Чжи. Это правда?

Хэ Ян остолбенел, затем округлил глаза от изумления.

Вроде бы вполне естественная реакция, но на его лице она казалась идеально подогнанной маской.

Их взгляды пересеклись на мгновение.

Минг Шу напомнил:

— Господин Хэ?

Хэ Ян резко встал с кресла, подошёл к окну и начал ходить из стороны в сторону, будто пытаясь переварить абсурдность обвинения.

Спустя пару мгновений он обернулся, глядя Минг Шу прямо в глаза, и покачал головой:

— Как такое вообще возможно? Этот Шэн... как его там... этот артист — я даже не помню, как он выглядел! И вы говорите, я заставил Ху Ина его убить? Победитель получает ресурсы, проигравший умирает? Это же полный абсурд! Капитан Минг, вы же сами не можете в это поверить?

— Моё личное мнение тут не имеет значения, — спокойно ответил Минг Шу. — Мы, криминалисты, работаем с уликами. А раз Ху Ин дал нам наводку, мы обязаны по ней пройтись.

Хэ Ян, кажется, наконец успокоился. Он прищурился и многозначительно произнёс:

— Но вы никогда не найдёте доказательства.

— Хм? Почему? — спросил Минг Шу.

— Потому что всё, что вы слышали, — это лишь бред Ху Ина, — с лёгкой улыбкой сказал Хэ Ян. — Он слишком быстро стал популярным, не выдержал давления, у него давно уже были признаки психического расстройства. А раз ничего не происходило, откуда взяться доказательствам?

Минг Шу ответил:

— Господин Хэ, вы прямо излучаете уверенность. Но, знаете, если бы вы не стали оправдываться, а просто бросили фразу «вы никогда не найдёте доказательства», я бы мог подумать, что вы — или, скажем, вы и ваши люди — просто позаботились об их уничтожении.

— Ну что вы, — Хэ Ян тяжело вздохнул и развёл руками. — Капитан Минг, я прекрасно понимаю вас. Ху Ин дал вам некую «улику», пусть даже это пустая болтовня, вы обязаны её проверить. И раз уж в этом фигурирую я, позвольте выразить сожаление, что приходится тратить ваше время. Но при этом хочу ещё раз заявить — я ни в чём не виноват.

Минг Шу внимательно посмотрел на него:

— Скажу честно, даже при моём опыте, слова Ху Ина шокировали. Два живых человека, превращённых в чьих-то глазах в «сверчков для поединка»... Звучит, как минимум, дико.

— Это попросту невозможно, — отозвался Хэ Ян. — Люди не могут быть настолько жестоки.

— Правда? — приподнял брови Минг Шу. — А тогда как объяснить существование гладиаторов на Западе? Люди веками наслаждались их боями. Жестокость — неотъемлемая часть человеческой природы.

На мгновение уголок губ Хэ Яна едва заметно дрогнул.

Минг Шу чуть приподнял подбородок:

— Но, знаете, по моим наблюдениям, ваша реакция чересчур спокойная.

Хэ Ян горько усмехнулся:

— Просто у Ху Ина это не первый эпизод. Он и раньше начинал нести чепуху, говорил о каких-то убийствах. Не скажу, что я привык, но уже знал, чего ожидать. Если вы мне не верите — пожалуйста, проводите официальное расследование. Я, Хэ Ян, человек с чистой совестью и готов к любым проверкам.

Минг Шу взглянул на этого человека, чьи слова и поведение не оставляли ни малейших лазеек, и спросил:

— Вы знали, что Ху Ин принимает наркотики?

Хэ Ян впервые за всё время выглядел действительно удивлённым:

— Что?.. Я... я не в курсе.

— Ваш любовник — наркоман, а вы, такой осторожный и внимательный человек, — не знали?
— спокойно заметил Минг Шу.

Вместо ответа Хэ Ян задал встречный вопрос:

— Вы уверены? Как давно он... этим занимается?

— Уверен, — кивнул Минг Шу. — Так вы действительно не знали, что Ху Ин употребляет наркотики?

Хэ Ян нахмурился и с силой хлопнул ладонью по столу. Его жест был резким, но ровно настолько, чтобы показать возмущение и не перейти границ приличия:

— Это мой промах.

Минг Шу внимательно следил за каждым его движением. В голове у него пронеслось: «Вот уж у кого актёрское мастерство на высоте. Даже, возможно, выше, чем у самого Ху Ина». С самого начала разговора и до этого момента Хэ Ян всё контролировал, и даже «растерянность» у него получалась настолько натуральной, будто он её заранее репетировал.

Он серьёзный противник.

Но самое сложное в этой ситуации заключалось в том, что у полиции действительно не было доказательств.

После пробуждения Ху Ин наотрез отказался признать, что убивал Шэн Чжи. Согласно заключению авторитетной медицинской экспертизы, он страдает тяжёлым психическим расстройством. Всё, что он сказал в допросной, юридической силы не имеет.

И Хэ Ян это, без сомнения, прекрасно понимал. Именно поэтому сейчас он и держался так уверенно — безукоризненно, безупречно.

Но Минг Шу и не рассчитывал на то, что ему удастся уличить его с первого раза. Его цель была другой — передать послание, показать, что полиция не сдаётся. И отдел по расследованию особо тяжких преступлений — никогда не отступает.

Арест Ху Ина за употребление наркотиков стал самой громкой новостью в шоу-бизнесе

накануне китайского Нового года.

В этом мире каждый год появляются новые звёзды: кто-то, преодолев путь от кумира миллионов до настоящего актёра, уверенно идёт вперёд, а кто-то, сгорев в пламени краткой славы, постепенно уходит в тень. Таких потом вспоминают лишь в ностальгических телешоу спустя много лет.

Но ещё никогда ни одна звезда не падала так стремительно, как Ху Ин.

С момента премьеры «Красной пыли в Цзянху» прошло всего несколько месяцев. Несколько месяцев оглушительного успеха — и вот, его путь завершился самым трагичным образом.

У дверей палаты Ху Ина круглосуточно дежурит спецназ. Снаружи все думают, что это для защиты от поклонников и назойливых репортёров, но на самом деле у полиции совсем другая задача: не допустить покушения.

Он стал безумцем. Но это ещё не значит, что те, кто когда-то использовал его, теперь от него откажутся.

Пока Ху Ин находился в коме, Ху Яо скончалась в больнице Жэньсинь — болезнь обострилась, и её сердце не выдержало. Раньше, при каждом кризисе, Ху Ин изо всех сил добивался для неё лучшего лечения, настаивал на реанимации, умолял врачей не сдаваться.

Но в этот раз он больше не мог её защитить. Родители Ху Яо, рыдая, отказались от реанимации.

Женщина, повлиявшая на всю его жизнь, всё же ушла первой.

Расследование в отношении Хэ Яна продвигалось медленно: не удалось найти ни одного доказательства, подтверждающего слова Ху Ина, как и ни одной улики, связывающей «исчезновение» Шэн Чжи с Хэ Яном или корпорацией Хэ.

— Если бы Шэн Чжи был жив, то в этом году ему исполнилось бы 25 лет. Он родом из посёлка Тяньшу в провинции Хань. Отец умер давно, а мать, Ли Яньмэй, много лет назад вышла замуж за местного жителя по имени Чэнь Фуцюань, — доложил Сюй Чунь, вернувшись из Тяньшу, — В семнадцать лет Шэн Чжи покинул родной город, подписал контракт с лочэнской компанией «Хуэйминь Юйлэ», дебютировал в составе мужской идол-группы. Но команда не снискала популярности и распалась меньше чем через два года. Позже Шэн Чжи, как и Ху Ин, зарабатывал на жизнь, участвуя в рекламных мероприятиях и перебиваясь эпизодическими ролями на съёмках.

На экране в конференц-зале появилась фотография Шэн Чжи, сделанная год назад. Перед ними был юноша с очень солнечной внешностью: большие, ясные глаза, мягкие черты лица, немного женственные, уголки губ естественно приподняты — даже без улыбки от него исходило ощущение, будто он улыбается.

Кто-то вздохнул. За ним последовал и Фан Юаньхан.

В комнате один за другим слышались сдержанные вздохи.

Минг Шу стоял у стола, слегка кивнул Сюй Чуню:

— Продолжай.

— По словам Ли Яньмэй, Шэн Чжи всегда был недоволен её повторным замужеством. Во время учёбы он жил в общежитии и почти не возвращался домой, учился неважно и бросил школу на полпути. Но в первые год-два после того, как попал в индустрию развлечений, он всё же переводил ей деньги на праздники. До 21 года он отправил Ли Яньмэй шесть переводов — всего 54 тысячи юаней, — продолжал Сюй Чунь. — Но после 21 года связи с семьёй практически не поддерживал. Только когда я приехал в Тяньшу, они узнали, что Шэн Чжи пропал больше года назад.

Минг Шу спросил:

— У Шэн Чжи были конфликты с родными?

Сюй Чунь покачал головой:

— Ли Яньмэй сказала, что он считал — 54 тысячи вполне достаточно, чтобы вернуть долг за воспитание, и с этого момента он больше не имеет никакого отношения ни к матери, ни к отчиму, ни к их общему ребёнку.

И Фэй прокомментировал:

— То есть Шэн Чжи сам разорвал отношения.

— Да. Для Ли Яньмэй и Чэнь Фуцюаня он, по сути, был лишним человеком. К тому же они с предубеждением относились к индустрии развлечений, считая, что пение и актёрство — это дело «нечистое», — добавил Сюй Чунь. — Мне удалось выяснить, что в последний раз он возвращался в Тяньшу три года назад.

Минг Шу, опираясь руками о край стола, сказал:

— Родные Шэн Чжи не знали о случившемся — это понятно. Но как насчёт его агентства?

Фан Юаньхан поднял руку:

— У Шэн Чжи не было личного менеджера. Но я поговорил с людьми в компании «Хуэйминь Юйлэ». Они знали, что он пропал, и даже подумывали обратиться в полицию, но в итоге отказались от этой идеи.

С этими словами Фан Юаньхан включил на планшете видео. В кадре — сотрудница компании, менеджер, говорившая с явным затруднением:

— В таких случаях мы обычно не сообщаем в полицию. Потому что это может повлечь за собой другие проблемы. Шэн Чжи уже давно не просил у меня новых предложений. Я не знала, с кем он общается вне компании. Мы — небольшая фирма. Если он нарвался на кого-то серьёзного, мы просто не можем себе позволить с этим связываться.

Минг Шу со вздохом швырнул ручку на стол, скрестил руки:

— Сейчас уже невозможно точно установить, с кем Шэн Чжи встречался перед исчезновением. Но есть одна зацепка, за которую можно уцепиться. Ху Ин согласился участвовать в игре Хэ Яна, потому что срочно нуждался в деньгах на лечение Ху Яо. Думаю, у Шэн Чжи тоже была какая-то острая потребность. Кто-то из его окружения мог быть выгодоприобретателем.

Сюй Чунь сказал:

— Если говорить о близких, то их можно исключить.

— Согласен, — кивнул Минг Шу. — Значит, делаем упор на друзей и знакомых, с которыми он сблизился уже после того, как попал в индустрию.

В результате тщательного расследования на поверхность всплыло одно имя.

Гу Чжэнхань, настоящее имя — Цзэн Юн. Из-за «слишком простого» имени, которое не звучало достаточно стильно для шоу-бизнеса, он сменил его. Когда-то он был участником того же мужского айдол-группы, в которой выступал Шэн Чжи. После распада группы Шэн Чжи остался в агентстве «Хуэйминь Юйлэ», а Гу Чжэнхань расторг контракт и фактически вернулся к статусу обычного человека, почти ничем не отличавшегося от простого обывателя.

Из переписки Шэн Чжи стало ясно, что перед исчезновением он чаще всего контактировал именно с Гу Чжэнханем.

Более того, он неоднократно переводил ему деньги: в конце июня позапрошлого года Шэн Чжи

перевёл ему два миллиона юаней — пятью разными транзакциями. И даже после этого они продолжали общение... до тех пор, пока Шэн Чжи не исчез из поля зрения всех и каждого.

<http://bllate.org/book/14859/1322018>